

Дроздова ★ Александра

Меня зовут

Алинка,

и я -

Темная Ведьма!

Александра Дроздова
**Меня зовут Алика, и
я – Темная Ведьма!**

«Автор»

2023

Дроздова А.

Меня зовут Алика, и я – Темная Ведьма! / А. Дроздова —
«Автор», 2023

Каково открыть глаза и понять, что в этой комнате ты находишься впервые?
Каково осознать, что, проснувшись, ты не помнишь события ближайшего
месяца? Каково это – распахнуть окно и увидеть ландшафт, которого быть не
может в твоём мире? И, наконец, каково это – почувствовать себя заложницей
вместе с дочерью, в глаза которой ты боишься заглянуть и увидеть там
отражение самого страшного... Я – Алика, Темная Ведьма, и я разберусь со
всеми навалившимися трудностями, но сначала – бежать...

© Дроздова А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Предисловие	5
Глава 1.	6
Глава 2	19
Глава 3.	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александра Дроздова

Меня зовут Алика, и я – Темная Ведьма!

Предисловие

Я открыла глаза в неизвестной комнате с четким ощущением: наконец, я вернулась. Окинула глазами просторную невиданную прежде спальню и обнаружила недалеко от себя свою дочь. Интересно. Я была уверена, что это моя дочь, и не сомневалась, кто я такая. Но абсолютно не помнила последние события. Как я здесь оказалась? И где это – здесь?

Что же произошло?

Маленькая семилетняя девочка рисовала на клочке бумаги, сидя прямо на полу. Она совершенно не обращала на меня внимания. А ведь раньше стоило мне проснуться, как она тут же кидалась в материнские объятия с пожеланием доброго утра. Сейчас же утро?

В комнате царил беспорядок и полумрак. На полу валялись кучи из одежды и каких-то тряпок. У пошарпанной стены стоял шкаф с приоткрытой дверцей. Из него вываливались скомканные вещи, а зеркало на его створке отражало меня – длинноволосую шатенку со спутанными волнистыми волосами, которая напрочь забыла не только недавнее прошлое, но и что такое расческа, ванна и мыло. Уставший взгляд серых глаз, бледные губы, испачканное грязью лицо, без синяков и шрамов, это обнадеживало. На мне была совершенно непривычная одежда: черные штаны и черный же растянутый свитер, а на ногах – грубые ботинки на шнуровке.

На рабочем столе стояла грязная посуда с засохшими остатками еды и воняла. Шторы позади рабочего места были из грязной темно – бордовой ткани, некогда бархатные, они не пропускали ни единого лучика света. А на противоположной стене была криво приколочена грубая деревянная полка с железными крючками. На них висели шесть разных небольших кулонов на ярких красных нитках.

Я вдруг почувствовала, что в правом кулаке зажат небольшой предмет. Аккуратно распрямила свои грязные пальцы – и на ладонке оказался еще один – седьмой кулон в виде металлической вазочки, внутри которой болтался светлый натуральный камень. На остаточных отрывках мышечной памяти, (никак иначе я объяснить это не смогла) я вдела красную нитку, а готовый кулон повесила на последний свободный крючок.

Происходящее вокруг оставалось неизвестным и непонятным, но ни с чем хорошим потеря памяти связана быть не могла...

Глава 1.

Я тихо подошла к рисующей дочери и просто обняла ее со спины, боясь заглянуть ней в глаза. А вдруг я сделала с ней что-то ужасное, пока была не в себе? Вдруг я ей навредила или отвратила от себя?

Как маленький дикий зверек, моя крошка затихла и напряглась, недоверчиво прошептав:
– Мама?

– Да, Сонечка. – сокрушенно проговорила я, страшась выматывающего продолжения разговора.

– Мама, ты вернулась? – все еще не веря в происходящее, проговорила дочка, повернувшись ко мне лицом.

Из глаз моей кареглазой Сони (единственное, что она унаследовала от отца) потекли крупные слезы. Губы судорожно затряслись, а на лице проявилась смесь из страха и горькой надежды. Это выражение лица я запомнила навсегда.

Мое сердце разрывалось на части от жалости и желания отомстить тому, кто это сотворил с нами. Но не сейчас...

Сейчас время для побега.

Я быстро вытерла ее слезы испачканной ладонью и стала скороговоркой объяснять:

– Соня, милая моя, не знаю, что произошло между нами, но оставим это на потом. Я очень надеюсь, что я не сделала ничего не поправимого, – в этот момент я прижала дочь крепче к себе, продолжая говорить и гладить ее по шоколадным волосам. – Пора бежать! Ты знаешь, где моя палочка?

Дочка быстро – быстро закивала и вырвалась из моих объятий. Она начала хаотично носиться по комнате, раскидывая вещи во все стороны и наводя еще большую разруху вокруг. Результатом всей этой суеты было наше спасение.

Соня вложила мне в руки мой проводник – это была палочка размером с карандаш из темного дерева с золотистой рукояткой. Проводник был таким маленьким, что знающие меня ведьмы посмеивались надо мной. Да, я темная ведьма – порождение зла, корысти, ненависти и всего плохого, что можно было представить. Однако у моей матушки не получилось сделать из меня «правильную» темную ведьму.

С самого детства у меня были нерушимые моральные принципы, в которые не входили издевательство над живыми, их умерщвление, мучения, жертвоприношения и тому подобное. Это не значило, что я ничего не знаю или не умею. О, Изергильда постаралась! Моя матушка отточила мое мастерство до совершенства и вложила в меня все знания, которыми обладал весь наш ведьмовской род, и она сама. Без моего на то желания. Таким нехитрым способом Изергильда пыталась сломить мою волю и вылепить из меня могущественную последовательницу ее темных деяний. Но несмотря на все ее усилия, свой дар я использовала совсем не так, как ей хотелось.

В этом крылась основная причина моего стального характера, крепкого тела и превосходного владения даром. Ведь я постоянно пребывала под чарами проклятий, обучаясь снимать их без последствий, подвергалась телесным наказаниям и ментальному давлению, и тренировалась, тренировалась, тренировалась. Это закалило меня.

Я раскрыла свой дар с другой, с непознанной темными, стороны. А когда окрепла – смогла убежать, запутать следы, спрятаться, скрыться так, что ни одна ведьма не могла меня найти, и даже моя мать.

Кстати, именно после одного из экспериментов Изергильды мои волосы стали чувствительными к напряжению темного дара. Они словно отражали яркие эмоции. В основном это был страх, а волосы показывали инстинктивную боеготовность дара, соответственно, и меня.

Теперь боялась я редко.

После побега я жила обычной сельской жизнью, обращаясь к силе в исключительных, редких случаях. Встретила мужчину, от которого родила прекрасную дочь. В Соне не оказалось и толики дара, ни темного, ни светлого. Всем вместе нам было хорошо, как мне тогда казалось, но в один прекрасный день муж уехал с товарным обозом. Да так и не вернулся. Было сложно, но мы справились, научились выживать. Я нашла дело по душе, но сдружиться так ни с кем и не получилось. Опасаясь раскрытия тайны, я держала ото всех дистанцию.

Был соблазн узнать, почему же муж так поступил со мной, с нами. Ведь он точно был жив, и я могла все узнать и даже знала как, но не стала. Вместо этого я рассказала Соне, кто я такая, кем являюсь, чем вызвала бурный восторг и получила звание самой лучшей волшебницы из сказок.

Дома я стала помогать себе даром, вести быт так, чтобы соседи не догадались, кто живет с ними по соседству. Никакого сложного колдовства. Но несмотря на все мои предостережения, все же флер темной силы кого-то привлек, но кого? Этого я пока вспомнить не могла. Что происходило дальше – затянута черной тягучей омерзительной пеленой чар. Это я исправлю, но тоже позже.

Получив свой верный и надежный проводник, без которого никакого колдовства не получится, я принялась запечатывать дверь от посторонних. Взмахнув палочкой, я выпустила свой темный дар в виде искрящегося черно – золотистого крошева. Смесь из блестящего песка встала стеной перед дверью и осталась там стоять надежной преградой. Защита не позволит проникнуть никому и ничему в течение небольшого количества времени, за которое мы должны успеть собраться и покинуть неизвестное мне пока место.

Для ускорения и удобства я выискивала нужные вещи черно – золотым силовым щупом, складывала их в заплечный мешок. Те вещи, которые не помещались, я предусмотрительно уменьшала.

В нашем распоряжении оказались несколько комплектов одежды на двоих, плед, ковш, ложки, тарелки, уменьшенный по всем параметрам матрас, мыльные принадлежности. Всем вещам найдется применение, не беря во внимание множество слоев грязи неизвестного происхождения.

– Здесь есть еда? – спросила я у Сони.

Она покачала головой из стороны в сторону, продолжая цепляться за мою руку так крепко, будто я могла исчезнуть. Потянув дочку за собой, я решительно раздвинула заляпаные в далеком прошлом бархатные шторы. Они скрывали огромное окно во всю стену и невиданный ранее пейзаж. Я даже представить не могла, где же мы находились. Ни одну землю представший передо мной вид из окна мне не напоминал.

На миг я потеряла свою решимость, смежила веки, испугавшись. Темный дар в моей груди заворочался и занервничал, вторя моим эмоциям. Волосы, как его отражение, принялись волноваться и струиться, словно змеи, не давая возможности скрыть мое беспокойство.

В нашем мире, знакомом мне вдоль и поперек, не бывало такого.

Мы находились очень и очень высоко. Перед нашими глазами предстала огромная степь с желтыми и зелеными пятнами трав. В дали виднелся каменный утес, куда слетались диковинные летающие животные, о которых я ни единого упоминания не встречала.

Стайные скатообразные звери цвета пыльной розы пролетали мимо, не обращая на нас никакого внимания. Медленно и неспешно они бороздили воздушное пространство, будто это море. В отличие от известных мне скатов, эти животные обладали удивительной, розовой, прочной, на вид слоновьей кожей и большим мощным хвостом, без лап. У них были два огромных кожаных крыла, которые вальяжно, не торопясь, рассекали воздух, словно толщу воды. Плоская голова, со сверкающими изумительными голубыми глазами, которые выделялись даже

из дали. Никаких явных признаков принадлежности к хищникам: ни выпирающих клыков, ни когтей. Создавалось впечатление неопасных и довольно дружелюбных созданий.

Небо было лазурное и чистое, без единого облачка. Светила с нашей точки было не видно. Зато, глядя на этих массивных и неторопливых летающих диковинок, у меня созрел план. Но прежде, было еще одно дело... Я обернулась и взмахнула палочкой, и по моему приказу ловкий щуп снял все подвески с крючков, принялся закручивать их, сплетая воедино, деформируя и соединяя заново, добавляя собственные черно – золотые искры. Когда волшебство завершилось, на мою протянутую ладошку села маленькая птичка из металла, кусочков красных ниток и камней. При игре света становились заметны черные и золотые вкрапления моего дара.

Наблюдающую за мной птицу, у которой один глаз получился золотой, а другой – черный, я поднесла к своим губам и прошептала:

– Как только позову – явись.

Выпустив птицу в раскрытый зев окна, она стремительно улетела. В небесах сотворенная кроха почти сразу превратилась в точку, а затем и вовсе пропала.

Я совсем не помнила, для чего создала кулоны и кому они понадобились. Но в том, что семь маленьких изделий было делом моих рук, не вызывало сомнений. Оставлять их здесь было недальновидно.

Окутав себя и Сою чарами отвода глаз и невнимания (на другие времени бы не хватило), я смело посмотрела вниз и даже испытала головокружение: так высоко я за свою жизнь ни разу не забиралась. Одной рукой я крепко удерживала дочь, а в другой был проводник, которым я активно начала призывать на помощь. Палочка стала лучиться светом, привлекая внимание того, кто сейчас был нам спасительно нужен. Зов манил то создание, которое могло нам помочь.

И оно откликнулось, ответило на мой призыв. Одно из неведомых животных у самой земли плавно изменило траекторию полета. Большой и розовый гигант начал двигаться в нашу сторону.

Стоило ему приблизиться, как я увидела в голубых глазах почти человеческую душу. Животное тоже разглядывало нас с любопытством и даже интересом, без страха и настороженности. Я коснулась его крыла палочкой и вложила безмолвную, отчаянную мольбу о спасении в мысленное послание.

Даже в такой острой ситуации я не желала ломать волю потрясающего создания, во взгляде которого были видны ум и душа. Я верила, что невиданное мною ранее дитя природы этого мира сердечно откликнется.

Так и случилось.

Скатообразное животное с добрым сердцем приблизилось так близко, как позволял его размах крыльев. Это все еще было далеко, поэтому пришлось нас дополнительно обезопасить.

– Садись ко мне на спину! А затем закрой глаза и не открывай, пока я не скажу, – негромко сказала я Соне.

Чтобы ей было легче залезть, перекинула свой рюкзак на живот и присела. Я дождалась, пока дочка крепко обхватит меня руками и ногами. Примотала нас друг к другу силовыми веревками и помогла нам добраться до откликнувшегося помощника, с помощью созданного подобия очень шаткого и неуверенного мостика. Ни в коем случае не смотреть вниз!

После того как мы уселись на розовом гиганте, привязала нас нитями еще и к нему – для страховки. И мы полетели... Сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее удалялись от места, где нас заточили. Обернувшись, я увидела высокую крепость – башню, заканчивающуюся острым шпилем. Башня была построена из камня, стекла и зеркал, не типичной для меня архитектуры.

Из окна, откуда мы стремительно покинули столь «гостеприимное и чистое» место, неожиданно вырвался столб дыма и огня. Только потом до нас долетел жуткий грохот, что послужило для меня спусковым крючком к новому колдовству. Взмах палочкой – и вокруг

нашей троицы заплясали блестящие песчинки, всего секунду, и они исчезли, даже не успев помешать крылатому спасителю. Теперь нас было почти невозможно заметить или почувствовать всеми шестью чувствами, но всего на пятнадцать минут.

– Можешь открыть глаза, – предложила я Соне.

Все! Я сделала все для того, чтобы благополучно покинуть странное место нашего заключения. Остальные обстоятельства от меня не зависели. Вся надежда была на чуткое скатообразное животное, которое на ощупь оказалось теплое и шершавое, словно старый, сморщенный, кожаный, живой диван.

Зверь летел низко, на пару метров возвышаясь над землей, но довольно быстро. Вокруг простирались невиданные мною раннее просторы. Слепило удушливое и яркое небесное тело, заставляя покрываться липким потом. Защита давно истаяла, а волосы спокойно лежали на плечах.

Мы неслись на всех парах туда, где было безопасно, по мнению нашего розового спасителя. Окружающая природа не менялась и оставалась тем же полем, то с выгоревшими участками трав, то с сочными цветущими зелеными пучками. Иногда встречались низкорослые кустарники с забавной ярко оранжевой листвой. Каменный утес и крепость – башня давно пропали с горизонта. Лишь бескрайняя степь, лазурное небо и постепенно снижающееся солнце иного мира.

Наконец, в дали показалось что-то новое в затянувшемся пейзаже. Пока это выглядело, как рыжая полоска между сумеречным небом и землей. Я надеялась, что это лес, в котором мы найдем убежище.

Когда мы уже добрались до кромки этого необычного оранжевого все-таки леса, здешнее солнце приготовилось вот-вот покинуть небо, уступив свое место ночному собрату.

Крылатому существу оказалось тяжело лавировать между темными стволами деревьев с ржавыми листьями, поэтому двигались мы очень медленно. Но несмотря на лесные преграды, он не задел ни одной веточки, ни одного листочка, на столько зверь хорошо чувствовал и управлял своим, казалось бы, неповоротливым телом.

В лесу было значительно темнее и шумнее. То тут, то там слышался шорох копошившихся животных, шум перелетающих с ветки на ветку птиц, скрип качающихся стволов и шелест ржавой листвы при малейшем дуновении ветра.

Пока мы летели не так быстро, я сконцентрировалась и попыталась наладить связь с крылатым спасителем, прислонив свою палочку к его голове, тем самым настраиваясь на наше общение. Разговором это назвать было сложно. Но у меня получилось понять, что мы двигались в несомненно безопасное место, где была вода.

Я сочла, что именно из-за протекающей реки, которую пообещал мне выносливый помощник, здесь и раскинулся рыжий лес. Это потрясающе подходящее место для стоянки, только не слишком ли оно очевидно? И не найдут ли нас те, кто, наверняка, отправился вдогонку за нами.

Придется довериться животному и установить все возможные «защиты» и «отводы глаз». Выбора все равно не было. Нам нужно было передохнуть и набраться сил, а затем уже разбираться со всем происходящим.

Прошел еще час, и мы достигли обещанной речки, а редколесье накрыла тьма. Путь пришлось освещать пучком света. Мы с Соней очень проголодались и изрядно вымотались.

Розовый гигант остановился на чудесной полянке на заросшем берегу небольшой речушки: это наш временный лагерь. Я убрала связывающие нити колдовства, и мы, наконец, оказались на твердой земле. От непривычки и усталости мы свалились на траву, не удержавшись на слабых ногах. Правда, это обстоятельство рассмешило Соню, и темноту леса огласил звонкий детский смех.

– Мам, мы будем здесь ночевать? – обратилась она ко мне, улыбаясь.

– Да, поспим немного и отправимся снова в дорогу. – ответила я, подходя к огромному зверю.

Прикоснулась проводником к его плоской голове, чтобы снова передать послание, в котором я благодарила за оказанную помощь, а также пыталась объяснить словами и чувствами, что он теперь свободен и может вернуться в свое гнездо на утесе. Но неожиданно я почувствовала некоторое противостояние и даже некое желание остаться вместе с нами. Меня изрядно удивило такое поведение стайного животного, но, если ему так хотелось остаться, мы будем только рады его присутствию. Лишняя помощь, да еще и крылья, – редкая удача.

Раз с новоприобретенным другом определились, я приступила к установке нашего лагеря. С помощью дара нашла и натаскала подходящие ветки для предстоящего костра. Вернула настоящий размер матрасу и устроила его на понравившееся ровное место, сверху кинула плед. Он будет служить одеялом, а из покрывала выйдет крыша. Получилось подобие треугольной палатки – отличное место для сна, не голая земля, и на том спасибо. Над хворостом для будущего костра установила ковш, в нем будет готовиться наш еще не добытый ужин.

Краем глаза я наблюдала, как Соня и розовый гигант знакомились ближе. Он шурился от удовольствия, когда моя дочка его гладила или просто прикасалась. Удивительное животное. Интересно, а как он спит? Так же паря или все-таки опускаясь на землю?

В мои размышления ворвался громкий мучительный крик моей дочери. Волосы в прямом смысле встали дыбом от испуга. Крича и плача, Соня упала на землю и принялась кататься по траве. Она удерживала вытянутой левую руку, которую скручивало в немыслимые и неправильные положения, конечность противоестественно выворачивалась с противным и душераздирающим хрустом.

Я бросилась к ней, судорожно трогая ее по всему телу:

– Они лечили тебя? Где? Где они тебя лечили? – постоянно повторяя эти вопросы, я искала то место, которое подверглось воздействию.

И услышала, как Соня прохрипела:

– Палец... лечили мизинец.

Зафиксировав дочь и живущую своей жизнью конечность, я прижала свою палочку к детскому тельцу. Черно – золотой песок нежно ее окутал, погружая Соню в сон, чтобы дать мне время разобраться. Я уже догадывалась, что происходит. Но необходимо было убедиться, чтобы не навредить. Темное колдовство не просто так зовется темным.

Видимо, Соня, не без помощи извне травмировала палец. А темные, воспользовавшись моментом лечения, выжгли на пястной кости руны подчинения и маячок, который я вовремя не заметила и не распознала. Повезло еще, что область чужеродного влияния была мала и распространялась только на кисть и пальцы.

Грубые чары злые, и, несомненно, темные. Одаренный темный, который сотворил это с моей дочерью, явно был ограничен во времени, иначе не стал бы действовать так топорно. Чтобы я смогла снять колдовство, мне нужно было стереть руну с кости, а значит, воспользоваться темным даром на полную. Я сильно рисковала раскрыть наше местоположение, ведь флер может вывести на наш след. Но и оставлять все так нельзя. Дар с моим решением был согласен и даже самую капельку рад от того, что я воспользуюсь им, как должно. Волосы начали извиваться и волноваться, а струйка черного песка с золотыми крупинками из проводника потянулась к Сониной руке, где была выжжена коварная руна.

Моя же ворожба аккуратно затягивала чуждый темный знак, оставляя за собой здоровую костную ткань. Работа филигранная и нежная, насколько это было возможно, учитывая условия. Но, так как дар контактировал с живой плотью, тем более с родной, от нас расходились негативные энергетические волны. Расползалась темная аура безжалостного воздействия. Необразованным не понять, что это всего лишь эманации возвращения – обратное колдовство, по-простому.

Я молила всем богам этого мира, чтобы осталось незамеченным мое темное лечение или хотя бы возможность успеть отдохнуть и покинуть полянку в ржавом лесу у маленькой речки до того, как нас явятся возвращать обратно.

...В это время где-то в лесу...

...Во тьме старых деревьев зажглись желтые нечеловеческие глаза, обладатель которых вышел на звездный свет в полном облачении, в золотой металлической полумаске, скрывающей нижнюю половину лица, в золотом же нагруднике и наручах. Он был в черных брюках с многочисленным карманами, сливающихся с ночной теменью, а венчали все это богатство крепкие кожаные ботинки. Кудрявые волосы мешали ярко горящим желтым глазам, периодически закрывая обзор. Но темное колдовство узнано.

Между его ладоней появились солнечного цвета нити силы, сплетающие вестника в виде быстрого и ясноокого пернатого. Как только птица покинула руку создателя, сразу приобрела вид обычной коричневой хищницы без сияния золотого солнечного света. А хищник, скрывающийся под золотой маской, медленно прикрыл глаза, в которых скрывалось предвкушение и азарт охоты. Он резко спрыгнул с толстой ветки старого дерева и устремился вперед с невероятной скоростью туда, где «воняло» темными...

...На поляне...

...Уложив свою девочку на импровизированную кровать, уже в лечебном и успокоительном сне, я закутала ее пледом. Самой пришлось плестись к крылатому великану с очередной просьбой – добыть нам пропитания, так как найти и поймать еду самой, я бы не смогла. Зверь незамедлительно отправился на охоту. Как раз это был подходящий момент, узнать хищное ли это создание. У меня еще остались задачи – высечь искру для костра, чтобы после возвращения спасителя приготовить улов, и установить защитный купол, отдав все оставшиеся силы на это священнодействие.

...Где-то в маленьком поселение, что не отмечено на картах...

...Коричневый коршун приземлился на вытянутое предплечье, защищенное золотым снаряжением. Вспышка яркого света, на который распалась птица, озарила получателя всего на миг. Им оказался белый, как лунная звезда, длинноволосый всадник на степном барсе в золотистых доспехах и наручах, с белыми бровями, но с черными ресницами. Осветилась и его серая кожа, так сильно контрастировавшая с ярким желтым цветом глаз. Узкое лицо не было скрыто под полумаской, демонстрируя всем весьма суровое выражение.

Исполнив свое предназначение, вестник рассыпался миллионами светлых искр и исчез. Беловолосый наездник подал условный знак рукой с мигнувшим золотом на кончиках серых пальцах. И с соседних улиц, словно ниоткуда, появились еще два всадника в одинаковых золотых масках, скрывающих нижнюю половину лица. Они были в таких же золотых доспехах, серой кожей и с желтыми глазами, горящими углями в темноте ночных улиц.

Одной из них была тонкая девушка – тростинка с белой длинной косой, за плечами ее виднелся колчан со стрелами и лук, а под седлом – белоснежная лошадь, укомплектованный в золотую броню. Второй всадник был мощным, будто каменная глыба, хоть и был из плоти и крови. У него единственного на голове красовался золотой защитный шлем, а за спиной рукоять боевого топора. Пудовые кулаки держали в поводу гигантского рогоносца, ноги которого были закованы в металлический золотой же каркас.

Двое медленно приблизились к своему предводителю на ездовой кошке. Тот коротко и грозно отдал приказ. В то же мгновение трое наездников сорвались с места и умчались в только им известном направлении, распугивая по сторонам загулявшего жителя крошечной деревни в три улицы...

...На поляне...

...Костер весело стрекотал и искрился. Вода, добытая моим даром из реки, задорно бурлила в ковшике. А крылатое животное, наконец, вернулось с маленькой птичкой во рту. Ну

что же, вот и ужин подоспел! Гигант сплюнул на землю птицу, будто это было нечто настолько невкусное и противное, что, принеся это нечто, скатообразный спаситель переступил всевозможные табу и совершил подвиг – так и читалось у него на морде. Значит, наш новый друг мясо не ел.

Птичку, похожую на перепелку, я ощипала, выпотрошила и закинула в котелок. Бульона и вареного мяса нам хватит на какое-то время. Жаль, без соли, но искать съедобные сокровища леса сейчас не было ни сил, ни возможности, ни времени. А пока стоило озаботиться о нашем безопасном сне. Взмахнула проводником, и черные и золотые песчинки заструились и закружились вокруг нас, образуя переливающуюся завесу, скрывая ото всех...

...Там же...

...Кудрявые волосы продолжали мешаться перед ярко – желтыми глазами, которые прищурились в негодовании. Однако в них появилась неуверенность и подобие удивления. И наблюдатель, затаившийся в ветвях, продолжил следить за темным колдовством, которое явно отличалось от привычного. Что это было именно темное воздействие, желтоглазый не сомневался, он это чуял. А вот то, что оно было несколько иным, вызывало у него сомнения и противоречия.

Странная темная колдунья, да еще и с ребенком – это первое, что невозможно было сложить в уме. И второе – омо, находящийся рядом по собственной воле, – разве темные на такое способны? Такое разобщение в привычной картине мира заинтересовало его, и было решено продолжить наблюдение из своего укрытия за творящимися небывалыми событиями.

Интерес... давно он не испытывал подобное, да и, в принципе, никаких чувств. А убить... убить он всегда успеет...

...Она...

...Когда таинство волшбы закончилось, оставив за собой купол с черными и золотистыми вкраплениями, защищающий нас от хищников леса и от непрошенных гостей, я постаралась запутать наши следы. Немного не рассчитав нагрузку на свой дар, я пошатнулась от головокружения и тяжелого ощущения усталости. Я сделала все, что могла.

Несмотря на смыкающие веки и дрожащие пальцы, мне необходимо еще впихнуть в себя хотя бы немного бульона, а хорошо бы и съесть кусок несоленого и вряд ли вкусного животного белка.

Я чуть ли не ползком подобралась к ковшу. Сев прямо на землю возле костра, я принялась однообразно черпать ложкой бульон. Оторвала для себя ножку псевдоперепелки и стала так же монотонно, без души двигать челюстями, перемалывая хрящи и разжевывая жесткое мясо. Мне нужны были силы на длительный срок.

Как только я слизала с губ последнюю каплю бульона, отправилась спать, сказав напоследок летающему скату:

– Я спать, за купол ни шагу, иначе не вернешься.

Надеялась, что он поймет мою речь и так, а если нет, то потеряет нас, как только пересечет границу защиты. Наконец я завалилась спать к своей дочери. Поднесла палочку к шее, и та моментально трансформировалась в кулон.

Еще самые первые темные ведьмы придумали такой легкий и надежный способ хранения. Удобно.

Черный камень с золотистыми прожилками в оправе на простом шнурке лег на грудь. И меня осенило: «Вот, что это были за кулоны! Но скрывались ли в них проводники? Или что-то иное? Похожее? Я никак не могла вспомнить!» – это была последняя мысль, пролетевшая в моем утомленном и замученном мозгу, я погрузилась во тьму сна.

...Позже на поляне...

...В самый темный час, к недавно разбитому лагерю, подошел желтоглазый наблюдатель. Он обошел вокруг защитного купола, не издав ни звука. В мгновение все тело мужчины засве-

тилось ласковым солнечным светом, и он попытался пройти сквозь выставленную защиту. Но встретил непреодолимое сопротивление. Перед его светлой силой чары темной колдуньи не дрогнули.

Ему было все еще интересно, в крови бурлил давно забытый задор. Выдавать себя раньше времени и вторгаться «в любовую» он не пожелал. Он хотел иметь возможность и дальше наблюдать. Очертания мужской фигуры растворились во тьме, временно отступая. Он снова занял удобную ветку, разрешив себе немного отдохнуть перед продолжением слежки...

...Она...

...Я резко открыла свои глаза, и после того, как удалось восстановить последний день своей жизни в памяти, поняла, что чувствовала себя на удивление просто превосходно. Толи здешний воздух был таким питательным, то ли псевдоперепелка, то ли еще какие-либо причины.

Сони рядом со мной не оказалось, но выбравшись из самодельной палатки, я обнаружила ее играющей вместе с крылатым помощником. Он лениво лежал на траве, а дочка использовала его словно маленькую горку – скатывалась с розовой спины вниз до кончика хвоста с выражением полного счастья на детском личике. Голубой глаз зверя следил за девочкой по возможности обзора. Судя по морде, ему явно нравилось внимание ребенка. Какое интересное все-таки животное.

– Доброе утро! – поприветствовала я всех.

– Мам! Доброе утро! – крикнула дочка и побежала ко мне с раскинутыми руками для того, чтобы заключить меня в объятия.

– Как себя чувствуешь? – спросила я.

– Все хорошо, – пожав плечами, ответила дочка.

– Завтрак скудный и не вкусный, но надо его съесть. – заключила я. Дочка закономерно скривила мордочку.

– А в башне тебя хорошо кормили? – задала очередной вопрос, я же ничего не помнила. Конечно, я надеялась, что у них хватило совести не морить голодом ни в чем не повинного ребенка.

– Ты приносила мне еду. – тихо ответила она.

Я тяжело вздохнула и погладила ее по голове. Будто бы простой лаской можно было хоть что-то изменить.

– Мне очень жаль, Соня. Надеюсь, я не причинила тебе зла.

– Нет-нет, мамочка, ты меня не обижала. Я сразу поняла, что они тебя заколдовали, противные. Ты была как замороженная рыба! – воскликнула она, – Ничего не интересовало, кроме твоих побрякушек. – хмурясь, закончила Соня.

– Что же, сейчас мы поедим, а потом ты мне расскажешь все, что было. Хорошо?

Она лишь кивнула мне в ответ, а следом крылатый скат поднялся в воздух и замер в ожидании снятия моей защиты.

– Сейчас – сейчас. – проговорила я себе под нос, выпуская из рук дочь.

От прикосновения к медальону, он преобразовался в проводник дара, а после взмаха руки купол расслоился на огромное количество искристых песчинок и осел на землю, оставив на траве и земле всего лишь блеск. Остатки моей ворожбы после первого же дождя благодатно повлияют на почву, делая ее более плодородной, и даже укрепят уже существующие растения.

Скатообразный зверь сразу исчез в недрах леса. А мне стоило поискать что-то на добавку ко вчерашним бульону и вареной птицы, не хотелось, чтобы Соня давилась завтраком. Местная флора и фауна были абсолютно мне неизвестны, придется полагаться на темный дар. Выпустив черно – золотой шуп из ведьмовской палочки для поиска подходящего пропитания, мы вместе с дочерью отправились искать. Конечно, не отходя от лагеря далеко.

Неторопливо ступая среди темных потрескавшихся стволов деревьев за поисковой нитью из темного дара и отводя в сторону цепляющиеся ветки с желто – оранжевыми листьями, мы пришли к небольшому коренастому кусту с яркими, почти красными мелкими листочками. Нить недвусмысленно указывала под землю. Придется копать.

Не жалея ладоней, я аккуратно раскопала землю, стараясь не повредить корневище. Забравшись глубже, обнаружила небольшие круглые клубни. Темный дар предлагал именно их нам в меню. Собрав парочку только на завтрак, я передала добычу дочери.

– Так оставлять нельзя, – пробормотала я. И так же аккуратно закопала вырытую небольшую ямку. Приложила ладонь к рыхлой земле и тихонько поблагодарила за предоставленную лесом для нас пищу. Я умышленно не брала пропитания на будущее, только необходимое для выживания. Это закон природы. Она не переносила яркое человеческое вмешательство, могла и наказать так, что мало не покажется.

По возвращении в лагерь я хорошенько отмыла клубни от земли, а также свои грязные пальцы. Бросила в уже кипящий вчерашний бульон добытые овощи, рассчитывая получить в результате приготовления подобие жаркого. Все еще без соли, но мы сейчас не в том положении, чтобы воротить нос.

... Там же, за ветками деревьев...

... Наблюдение за темной вводило его в еще большие сомнения. Как же так? Необычная и добрая? Такое бывает? Заботилась о ребенке, поблагодарила за еду. Да, он все слышал и видел. И это настолько отличалось от жестокого и кровожадного поведения темного отродья, что он начал сомневаться в правомерности исхода, и это было еще одним откровением. Скоро появятся командир с остальными, и они не будут разбираться в происходящем. Все темные подлежали уничтожению или блокировке. И это ему не нравилось. Он запутался... Странная колдунья, странный теперь и он сам...

... Она...

... Пока бурлило варево, я предложила Соне искупаться в реке – когда еще будет шанс помыться и постирать грязное, неизвестно. После ее согласия я собрала все мыльные принадлежности и чистую одежду для нее и для себя, а также нестиранные вещи с давних времен не забыла прихватить. Я помогла помыться своей дочери с помощью позаимствованного из места удержания мыла и воды из речушки. Ее волосы мыть не стали. А вот моим «змеям» следовало хорошенько прополоскаться. Как только высушила Соню в теплом сверкающем вихре, она убежала в чистых черных штанишках и рубашке помешать наш завтрак в котелке и не дать ему пригореть. А я, воспользовавшись моментом, приступила к «чистке» собственной персоны.

Сперва сняла с себя грязное и принялась стирать. И старые грязные вещи не забыла, и об оставленной Соней одежде. Высушив, сложила их – заберу, когда все закончу. Намылила свое уставшее тело после длительного полета по жаре и утомительной ночи. Все же мыться – это неописуемое блаженство. Я жмурилась от удовольствия и даже немного подпевала себе под нос, не скрывая довольства и счастья от этих мгновений спокойствия. Наслаждаться стоило каждую минуту своей жизни, а то можно и не успеть. Это я познала еще с самого детства благодаря Изергильде.

Затем приступила к мытью головы, параллельно пытаюсь расчесать свою гриву пальцами. Не очень выходило, но с этим придется смириться. Когда вышла из воды голая, мокрая, с покрывающейся мурашками кожей и с прилипшими к спине волосами, между лопаток кольнуло, будто иголкой. Я резко обернулась в поисках источника беспокойства и странных ощущений, но ничего обнаружить так и не смогла. Только жизнь леса: поющие птицы, бегущая вода и легкое трепетание листвы. Как бы я не вглядывалась между ветвей... Ни-че-го. Это был плохой знак.

... Он...

...Ему был неведом этикет, он жадно наблюдал за колдуньей. То, что предстало перед глазами, в которых плескался огонь Пресветлого, ему доставляло удовольствие. Красота обнаженного, притягательного и чистого женского тела вызывала в нем бурю эмоций, но основное чувство – первородный восторг. Его пугали обрушенные на него лавиной чувства, ощущения и желания, которых он так давно не испытывал. Красивая, непонятная, опасная...

...Она...

...Быстро высушив себя вместе с волосами, я поспешила одеться в черные брюки и в черную рубашку (а то в свитере было страсть как жарко) и вернула на место жесткие ботинки неизменно черного цвета. Подобрала сухие вещи и поспешила к дочери. Волосы мешались волнистой копной, но завязывать их было нельзя. Чувствительность снижалась.

Пришло время убираться отсюда побыстрее, и, если бы зверь был уже здесь, я бы сорвалась в ту же секунду, наплевав на завтрак. Но его еще не было, поэтому я всунула тарелку теоретически съедобного блюда Соне, оставляя себе надежду на быстрое возвращение крылатого животного.

Пробовала то, что получилось с явной опаской, но сваренные клубни придали неяркую пряность блюду и сытность. Есть можно. А судя по не плюющей дочери, то можно смело заявлять – завтрак удался! Пока отправляла в рот приготовленное, настороженно поглядывала по сторонам. Я поджидала то ли нападения, то ли нашего спасителя. Проводник был наготове. Нужен был только повод, чтобы им воспользоваться.

Когда мы все доели, стало ясно, что больше ждать смысла не имело. Я начала сворачивать лагерь, с помощью множества выпущенных темных щупов. Если розовый гигант не появится в ближайшее время, то дальше наши пути разойдутся. Тревожность никак не хотела уходить, вынуждая меня поторапливаться.

Когда последний предмет занял свое место в нашем рюкзаке, летающий диковинный помощник все же появился, вызвав у меня вздох облегчения. Покосившись своим голубым почти человеческим глазом на уже пустующую полянку, он сообразил, что пришло время покидать это чудесное место. Стоило только определиться куда. Прикоснувшись палочкой к его голове, я постаралась очень коротко, емко и образно пояснить, что нам надо лететь как можно дальше от башни. Крылатый гигант понятиливо откликнулся на мое пожелание. Удостоверившись, что я была услышана и понята, мы вместе с Соней забрались к нему на широкую спину. Снова обвязав нас для безопасности, мы двинулись вверх по течению реки, плавно огибая деревья в рыжем лесу.

...Он...

...Желтоглазый наблюдатель преследовал медленно лавирующего среди деревьев ома и всю компанию. Периодически они делали остановки для отдыха и перекуса, который необычная колдунья всегда искала с помощью нетипичного темного дара. А после неизменно благодарила природу за съестной дар или питье. Удивительно, но окружающий мир охотно откликался на просьбы. Был ли ее дар таким необычайно понятливым, что мир благодатно воспринимал темную одаренную, подкладывая ей самые питательные продукты лесного происхождения, хоть и вкус не всегда был приятный. Была ли она сама столь странной и необыкновенной. Он не разобрался пока, иногда у него появлялось такое чувство, как сожаление.

Маленькая девочка не артачилась, съедала свою порцию целиком без давления матери. Такое поведение было совсем не похоже на темных, и ему было любопытно наблюдать за этой не простой троицей. Но интереснее их было слушать.

После странного вопроса колдуньи: «Что же все-таки происходило все это время?», девочка поведала очень неожиданную и удивительную историю. В один из дней к ним в дом пришли двое мужчин под видом покупателей (оказалось, темная одаренная была отменной мастерицей всяких побрякушек). Как только за вошедшими закрылась дверь, мрачный муж-

чина, которого девочка окрестила Вороном, вскинул руку и выпустил нити черного тягучего, словно деготь, волшебства, которые спеленали мать девочки, не ожидавшую нападения.

Кровное родство между девочкой и молодой женщиной не удивляло его, он уже давно почувствовал в них общую кровь. Его больше поразило их общение между собой, что увеличивало и без того не малые сомнения в правильности сделанных выводов. Но дальнейшая история требовала его внимания. Девочка с необычным именем Соня как раз продолжала рассказ.

Второй мужчина, похожий на медведя, скрутил девочку, которая попыталась остановить их. По началу она кричала и вырывалась, но Ворон сказал ей сухим и тихим голосом, что он может и убить ее, а не тащить вместе со всеми. Испугавшись разлуки больше, чем смерти, Соня решила быть послушной и тихой, а при первой же возможности помочь маме.

Человек, похожий на медведя, после непонятого жеста рукой Ворона добровольно лег на пол и замер, пока главный чертил вокруг него непонятные знаки угольком прямо на полу в гостиной, откинув в сторону нежно любимой малышкой белый пушистый ковер. Мерзкая кляксообразная черная сила уподобилась узорам, повторяя мазутным слоем начертанное углем.

Все это время женщина была облеплена черным заклятьем, словно паутиной. Оно начало медленно впитываться в ее обездвиженное и невольное тело, проникая в самую суть.

Ворон закончил чертить два круга из неопознанных закорючек. Один вокруг собрата, а второй – пустой. Ворон взял покорную и необычно тихую маму ребенка за руку и поставил рядом с собой, словно куклу, в пустой круг, крикнув девочке, что если она собирается отправиться вместе с матерью, то ей стоило бы присоединиться и тоже взять его за руку.

Девочка, испугавшись, залетела в круг. Она переборола ужас и брезгливость, но прикоснулась к влажной ладони жуткого и злого мужчины с длинными черными волосами, заколдовавшего ее маму. Стоило Соне дотронуться до него, как огромный здоровый мужчина, все еще лежащий на полу, стал усыхать прямо на глазах. От человека осталась лишь сморщенная дряблая оболочка. Жизнь покинула недавно пышущее здоровьем тело с молниеносной скоростью.

Девочка закрыла глаза и тряслась от страха. А когда осмелилась взглянуть, то они втроем уже стояли в той комнате, в которой они жили все это время. Почти месяц, судя по ее подсчетам. Из этой комнаты выходить ей не позволялось. Мама девочки иногда покидала комнату ненадолго, но Соня не знала, куда и зачем та ходила, но темная неизменно возвращалась с едой.

После того, как женщину облепила черная паутина, она перестала быть самой собой. Она редко разговаривала и походила на замороженную рыбу. Все свое время, кроме естественных надобностей, посвящала изготовлению каких-то кулонов. Работа над ними забирала из колдуньи прорву сил, и она часто восстанавливалась глубоким сном, длящимся сутки, а то и больше, не приходя в себя.

Соня часто смотрела в окно и мечтала о побеге, две попытки которого пресеклись строгими и скупыми на эмоции женщинами в неприятно пахнущих лохмотьях. В первую попытку она умудрилась упасть, и у нее долго болела рука. Тогда Ворон явился и молча вылечил ее, ничего не сказав. А после второй попытки он прямолинейно напомнил, что ему все еще гораздо проще избавиться от девочки!

Сбежать дочка колдуньи больше не пробовала. Но надежду просто так не отберешь – ее мольбы были услышаны. В какой-то из дней мама девочки очнулась, вернув себе контроль над телом и разумом. И уже вместе они сбежали из заточения.

Все, что произошло с этой парочкой, было крайне увлекательно и важно. Во-первых, почему в ордене ничего неизвестно о темных колдунах, спокойно творящих черные делишки посреди белого дня? Во-вторых, где то место, этот оплот темного колдовства, в котором держали мать и дочь? В-третьих, что за кулоны и для чего они нужны колдунам? И, наконец, последнее, какую же все-таки сторону заняла привлекательная темная колдунья с черно – золо-

тым сверкающим даром? И если уж быть честным с самим собой, то последний вопрос его волновал больше остальных.

Отвлекло его от собственных размышлений окончание леса. К вечеру беглянки на омо вылетели за пределы рыжих крон на открытую степь. Это несколько затрудняло преследование. Но было у него подходящее средство. Мужчина, облаченный в золотые доспехи, достал из одного из многочисленных карманов черных брюк крошечный пузырек, в котором плескалась сияющая розовая жидкость. Всего один глоток и он, невидимый, спрыгнул с дерева, и, не таясь, отправился следом за преследуемой троицей...

...Она...

...Из рассказа дочери я поняла, что подверглась крайне жестокому и мерзкому черному воздействию с порабощением воли и блокировкой разума. Не ожидала я такого рода нападения, поэтому даже и не пыталась защищаться каким-либо образом. Но не просто так Изергильда лепила из меня лучшую темную ведьму, такого рода проклятьями я справляться умела. Только благодаря удачному стечению обстоятельств им удалось повернуть это со мной, и я поплатилась примерно месяцем своей жизни. За это время тело вместе с темным даром переработали враждебное заклятье и уничтожили заразу.

Судя по всему, темному ведьмаку, прозванный Вороном, нужны кулоны. Не стал бы он вытаскивать нас из другого мира в свой просто так. Не стоило отрицать очевидное: он принес в жертву своего соратника ради переноса, а значит медальоны необходимы для чего-то важного и зловещего. Если в этом мире были бы умельцы по изготовлению подобного, то не было бы необходимости в такого рода сложностях и жертвах. Значит, Ворон будет искать, и вряд ли отступится. Тем более, уже сделанные мною кулоны бороздили небесные дали, нарушая все их изначальные планы.

Как Ворон собирался их использовать? Что в них заключалось? – пока, увы, неизвестно. Это могло быть все, что угодно. Почему он не убил Соню? – это было понятно: простой расчет, такое трагическое событие и потрясение «разбудило» бы меня сразу. И тогда даже я не могу предсказать, чем бы дело закончилось и даже представлять не хотелось.

Ритуал переноса, который провел сильный темный ведьмак, мне никогда не повторить! Принести в жертву человеческую жизнь, даже если цена за это возвращение домой, я не смогу. А Ворон легко рассчитался за колдовство чужой душой и телом. Интересно, был ли его соратник под влиянием или лег в жертвенный круг по собственной воле?

В этом мире творилось что-то непонятное: целая башня посреди поля свободных темных одаренных, которые никогда и нигде не славились любовью к ближнему. Закончив слушать дочь, я с уверенностью произнесла:

– Это все в прошлом! Теперь все будет хорошо!

София вжалась мне в спину и жалобно проговорила:

– Верю, мам.

Чтобы окончательно не дать себе расклеиться и не скатиться в омут переживаний, я попробовала подчерпнуть информацию у крылатого гиганта о том, куда же мы попали.

Розовокожий зверь образно поведал о том, что каменная высокая постройка в одночасье взяла и появилась. Башня стае не мешала, но от нее веяло грязью и отходами, поэтому старались держаться подальше. Молодняку строго – настрого было запрещено подлетать к дурно пахнущему человеческому жилищу. Изредка из крепости выезжали двуногие, управляющие разными ездовыми животными. До этого зверь никогда не слышал оттуда зов о помощи, да еще такой силы. Распознав мольбу, не смог противиться желанию откликнуться.

– Как мне называть тебя, друг? – мысленно спросила я его.

– Я – Омо. – так же мысленно ответил мне летающий гигант.

Закономерно я удивилась способностям животного. Излагать мысли не образами, а словами – это поражало. Но мучать дальше больше не стала.

– Спасибо, Омо. – поблагодарила его я и убрала палочку от головы, но из рук ее выпускать не стала, на всякий случай. Была я уже чрезмерно доверчива, и из-за этого мы бороздим другой мир на розовом крылатом травоядном скате.

Наконец, пейзаж с ржавыми деревьями закончился, и мы пересекли лесную границу. Нам открылся вид на поле с редкими зелеными островками трав и горную вершину, которая будет теперь служить нам маяком. И чем ближе мы к приближались к горе, тем явственнее появлялись признаки природной смены на каменистую равнину. То тут, то там возникали гигантски валуны и участки пустоши.

Омо летел все быстрее, ему больше не надо было лавировать среди стволов. Пожалуй, на такой высокой скорости к ночи мы достигнем самого подножья горы.

...Он...

...Преследователь даже со своей сверхскоростью, которой славился в рядах ордена Пресветлого, еле поспевал за шустрим омо. Компания направлялась к подгорному городу Вуно.

Гномий город разбился у подножья Самоцветной горы. В недрах пещер велась добыча драгоценных камней. И, конечно же, гномы первые обосновались в этом месте. А виной всему расовый дар – поиск сокровищ, богатств, золота и других драгоценностей. Гномий народ может ощущать залежи пород или жил на многие земли, чем и славились. Трудолюбивые, упертые, низкорослые, но крепкие, и любящие золото, как никто. И что же будет делать в этом городе мать – колдунья с дочерью верхом на омо без единой золотой монетки?

Он помнил, что командир боевой четверки ждет от него еще одного вестника. Отстав немного от омо, он сотворил между ладоней льющейся золотой силой хищную птицу. Она вспорхнула вместе с докладом о точке, куда вела путь темная одаренная. Несмотря на внутренние колебания, он сделал то, что был должен. Набрал скорость, он продолжил преследование, от чего-то недовольный своим поступком...

...Она...

...Светило принялось неуклонно приближаться к горизонту. Впереди начали постепенно загораться огни небольшого города, расположившегося у подножья горы. Неужели спаситель привел нас к людям? – стоило держаться подальше от прямоходящих... Прикоснувшись палочкой к розовой макушке, я попыталась уточнить степень опасности. Умный омо намекнул мне на ответственность за молодое потомство, которому не стоило долго питаться природным подношением, заверив, что сам будет пастись неподалеку и при малейшей угрозе снова откликнется на мой призыв. В город вместе с нами он не полетит – пахнет плохо.

Что ж, хорошо, придется импровизировать.

К городу мы добрались, когда уже стемнело. С исчезновением дневного светила город ожил, забурился и зашумел, повсюду слышался смех и разговоры. Омо оставил нас на некотором расстоянии от поселения, а затем мы направились знакомиться с первыми людьми в этом мире. Явно нетемными ведьмами и ведьмаками. С ними первая встреча не сказать, что удалась. От самого города веяло пивом, камнем и железом: не отталкивающий набор, будто работающий.

Взяв Соню за ладонь, мы прошли мимо привратника и вошли в город под названием Вуно, о чем гласил опознавательный столб.

Глава 2

...Где-то среди дорог...

...Хищная птица спланировала на золотистый наруч вытянутой руки беловолосого наездника на дикой кошке, единственного из троих всадников, не скрывающего своего лица. Стоило коршуну коснуться получателя известия, как она засветилась будто из солнечного света и растворилась.

На лице длинноволосого белого командира возникла лишь тень удовлетворенной ухмылки после полученного донесения. Подав знак двоим сослуживцам, они двинулись в дорогу, уже зная координаты. Все трое служителей ордена предвкушали скорую расправу над коварным порождением темной стороны их извечного врага...

...Город Вуно. Она...

...Вместе с дочерью мы аккуратно и незаметно рассматривали дома и окружение. С первым же шагом стало понятно, что не к людям мы явились. Основное население оказалось гномами – коренастые, невысокие старатели. В нашем мире гномья раса считалась исчезнувшей, но память о них сохранилась и по сей день в летописях и сказаниях. У нас их описывали как нагловатых, упертых, алчных, низкорослых, безумно трудолюбивых, но вполне добрых ребят.

– Мам, это кто? – спросила меня Соня еле слышно.

– Давай так – как только мы найдем место ночлега, я все-все расскажу.

Получив в ответ согласный кивок, я начала искать то, что могло бы нам помочь, вернее – кого! Пока дочь с любопытством смотрела по сторонам, я крепко держала ее за руку.

Вуно оказался типичным промысловым городом. А судя по киркам, молотам и другим инструментам, оставленным у входа в трактиры, большинство жителей занимались горным делом. Дома были каменные, надежные, максимум в два этажа, а крыши металлические и натертые до сияющего блеска. Даже в ночи при свете фонарей они блестели, отражая искусственный свет, который был явно магического происхождения.

Но мне необходим был постоя, и я старательно заглядывала в окна, а именно в немногочисленные дома, где я могла бы быть полезной в обмен на горячую еду и ночлег, а если повезет, то и ванну.

Там, где толпой стояли гномы и пару людей, судя по росту, мы проходили мимо, стараясь не привлекать лишнего внимания. Темный дар не мог помочь в такой ситуации, и я полагалась на свою ведьмовскую интуицию и наблюдательность.

В одном, с виду пустующем доме я почувствовала слишком много злобы, что заставило убежать на другую улицу: такому хозяину заглядывать в окна опасно. От другого, маленького, совсем крошечного жилого домика веяло очень нежным и тихим счастьем. В потертом окошке мне удалось разглядеть новорожденного малыша у счастливой пары гномов. Здесь просить помощь не стоило. Несмотря на добрые сердца молодых родителей и их дитя, сейчас было время только для них троих. А мы поищем еще.

Дом, который я в итоге выбрала, источал грусть и застарелую тоску. Жилище было добротное, чистое и ухоженное. Всего на один этаж, но старое и ветхое. Хозяин явно любил свой дом и берег его по мере своих сил. Но их осталось не так много, как ему хотелось бы. Поэтому именно в эту резную деревянную дверь я звонко постучала.

Открыли нам не сразу. Пришлось стучать несколько раз и еще немного. Я была настойчива и уверена, что в этом доме нам ничего не грозило и что нам окажут необходимую помощь. Дверь, наконец, отварила, на щелочку, в которую пролезла железная слуховая труба, а уже потом из-за двери донесся приглушенный старческий голос:

– Чего надобно, детки?

– Я уже почти взрослая! – воскликнула Соня, очень уставшая после дороги, раз не сумела промолчать на провокационное заявление старика.

Недоверчивый хозяин рассмеялся и открыл полностью дверь, со словами:

– Дай-ка погляжу на почти взрослую и разговорчивую.

Перед нами показался седовласый и седобородый гном. Повышенная волосатость была заплетена в тугие косы. Одет он был в простую залатанную, но чистую рубашку, в широкие штаны и шерстяные тапочки с забавными помпонами. Ростом он был примерно с мою дочь. С мутноватыми от старости глазами, но все еще в крепком теле.

– Добрый вечер, Господин! – подала я голос.

Старик – гном долго не отвечал и пристально рассматривал меня и Соню. Затем крикнул как-то недовольно, но отошел с прохода, жестом разрешая войти в дом. Ничего и объяснять не пришлось. Он все прочитал по нашим лицам, этого оказалось пока достаточно.

– Спасибо. – сказали мы хором и прошли в дверь.

...Город Вуно. Он...

...На походе к гномьему городу действие зелья закончилось. И он решил больше не пользоваться драгоценным средством. В город зашел истинный служитель ордена в золотых доспехах, с желтыми горящими глазами (от переданной частички огня Пресветлого при посвящении в орден) в маске на нижнюю половину лица. Его непослушные кудряшки трепал вечерний ветер. Они мешали и норовили попасть в глаза.

Жители Вуно косились, шептались за его спиной: «Как же так?», «Служитель ордена явился!!! Неужели где-то темные колдуны затаились?», «Почему он один?». Такие и подобные речи доносились до его ушей. Жители могли быть спокойны. Судя по всему, та, которую он преследовал, не собиралась убивать и приносить в жертву всех направо и налево под тяжестью своего дара. Уже за это она заслуживала отсрочки от смертельной участи или же от заключения в тюрьме.

А если по совести, то она была достойна свободы, но не в его власти было решать это. Стоило доложить и объяснить все командиру своей боевой четверки во всех подробностях до того, как темная одаренная встретится с ними. Они уже совсем скоро прибудут в этот город. Не забыл он и про неучтенный улей, набитый колдунами, о котором упоминала девочка в своих рассказах, с ним тоже предстояло разобраться.

Вскоре служитель ордена добрался до скромной таверны. Она располагалась прямо напротив дома, в котором скрылась преследуемая им пара. Он оплатил маленькую одноместную комнату с отдельной ванной и с подходящим видом из окна, чтобы не пропустить, когда колдунья с дочерью выйдут. Не забыл попросить принести в номер и еды... много еды. Ему требовалось набраться сил и полностью восстановиться, пока подвернулась такая возможность.

В снятой комнате он сразу раздвинул пыльные залатанные шторы, открывая себе обзор на тихую улицу, поставил стул напротив окна и сел, вытянув уставшие ноги, и принялся ждать...

...Она...

...Старик – гном провел нас через маленький, заставленный хламом из старых вещей, коридор на совсем крохотную кухню, такую же захлавленную разномастной посудой всех расцветок и форм. Они заполняли все полки деревянных стеллажей, не оставив ни одного пустующего местечка.

Соня настороженно вертела головой, разглядывая обстановку. Моя интуиция была спокойна и не чувствовала какой-либо опасности. Я тихо шепнула дочери:

– Не бойся, все будет хорошо.

Хозяин дома велел нам сесть за стол. Я подвела Соню к круглому столу, накрытому белой, кружевной, чистой, но очень старой скатертью, о чем говорили неаккуратные заплатки и попытки зашить дыры неумелой рукой. Предложила сесть дочери на грубоватый стул из

темного дерева и сама села на такой же, оставив одно – единственное громоздкое, но мягкое кресло для гостеприимного, молчаливого, старого хозяина.

Кресло явно было таким же древним, как и все вокруг. Когда-то в прошлом оно было красного цвета, но выцвело и потерялось под гнетом бытового использования. На его ткани красовалась россыпь прорех – нити не в состоянии удерживать полотно. Удивительным было то, что кресло еще не на помойке. Судя по ярким стежкам, которые держали жизнь и воспоминания в этом предмете, оно горячо любимо.

Седой гном поставил перед каждой из нас по миске густого супа. С виду определить, что это за суп, я не смогла, но аромат исходил приятный... очень приятный, особенно после того, как мы питались в лесу подножным кормом.

Я изо всех сил старалась не есть быстро и не набрасываться на блюдо, как зверь на кость, не показывать насколько мы все-таки были голодны. Но разве мог скрыть такое ребенок?

Соня быстро стучала ложкой по плошке, поглощала еду со смачными причмокиваниями. В конце и ложку облизала. А потеряв набитый живот ладонью, с надеждой спросила у гнома, который все это время сидел в кресле и наблюдал за нами с теплой улыбкой:

– А можно добавки?

– Ась?! – переспросил он и подставил к уху слуховую трубу, – Повтори-ка, детушка.

– Можно добавки? – громче сказала Соня.

Гном улыбнулся шире, показывая нестройный ряд желтоватых зубов – осталось их у него не так много. Он налил ей в миску еще черпак... и мне тоже, не спрашивая.

Когда мы доели уже и добавку, гном предложил:

– Оставайтесь-ка у меня на ночь, дети. Пойдемте покажу, где «почти взрослому» положишь, и сама ляжешь.

Гостеприимный хозяин поднялся с кресла и, прихватив с собой глиняный графин и две глиняные кружки, направился к выходу из кухни. Мы проследовали за ним. Сытость и наполненность вызывали сонливость и приятную негу, это ли не счастье.

Гном достал ключ из своего кармана и отпер неприметную с первого взгляда дверь, за которой скрывалась девичья комната. Она оказалась нежной и светлой: с односпальной кроватью, маленьким окошком, с цветастыми шторами и с трюмо, на котором стояла большая несуразная поделка из глины, напоминающую собаку, но я была не уверена. Ни одной лишней вещи не валялось. По слою пыли на поверхностях было понятно, что здесь давненько никого не было, что и подтвердил старик.

– Это спальня дочки моей – Уля зовут. Да вот... значит... не живет теперь. Располагайтесь, – обвел он комнату широким жестом, – Ванная неподалеку, выйдешь в коридор: первая дверь – там помыться, а следующая дверь – в мою комнату ведет.

– Поняла, – ответила я, но дедушка – гном меня не услышал без слуховой трубы, и я дополнительно кивнула.

– Отдыхайте, – бросил он, но перед тем, как выйти из спальни дочери, прошептал мне еле слышно. – Как спать уложишь – приходи на кухню, ждать тебя буду.

Мне пришлось еще раз кивнуть.

Соня все это время рассматривала комнату, изучала пыльное покрывало, шторы на окнах и даже залезла в первый ящик комода, в котором ожидаемо обнаружила пустоту.

Как только дверь за седым гномом закрылась, я обратилась к своему темному дару с помощью проводника. Очередной взмах руки – и мерцающие искры заполнили всю комнату и в считанные секунды избавили нас от застарелой пыли. Затем я открыла окошко, чтобы впустить свежий воздух, но и о безопасности не забыла. Еще один взмах палочкой – и перед окном выросла стена цветом моего дара, а после ее исчезновения осталась радужная пленка. Защита установлена, действие ее не настолько сильное, но длительное. Любое воздействие и попытку

проникновения я сразу почувствую и смогу принять меры. Все первостепенные задачи были выполнены. Я преувеличенно бодро спросила у Сони:

– Ну что? Теперь мыться?

– Ура, – возгласила она и запрыгала на кровати, – Нормальная ванная! Ура!!!

Пожалуй, Омо был больше прав, чем казалось поначалу.

...Он...

...Служанка, принеся ему несколько блюд, не заставила долго себя ждать, но ее излишнее внимание и очевидное желание вызывали у него отторжение. Всем было известно, что по части чувств служители ордена потеряны для общества. Но всем требовалась периодическая разрядка, несмотря на эмоциональную скупость, физиологию-то никто не отменял. В силу ментальных особенностей в момент процесса заботились служители ордена только о своем удовольствии, но за помощь они хорошо платили.

Хорошенькой жадной служанке было ничего не надо кроме вознаграждения, что внутри его души вызывало гадливость. Раньше ему было наплевать на двигающие их помыслы и мотивы, и, если хотелось, он брал свое и щедро оплачивал, но не сегодня. О причинах задумываться не было желания. У него была интересная цель, за которой он со всей ответственностью следил и которой посвятил все свое время.

Испокон веков орден служителей Пресветлому богу обосновался на мирских землях в противовес оплоту темным одаренным под знаменем Темнейшей богини. Как только темные стали творить аморальные и бесчеловечные ритуалы, светлые встали на защиту людей без дара, а было это так давно... Устои налажены на все случаи жизни и даже на такие банальные, как физиологические потребности.

В боевой сформированной четверке, в слаженной группе под предводительством командира, всегда присутствовала одна женщина – воин, по совместительству и для нужд такого рода. Почему одна? – дабы не вызывать разлад в четверке и не допускать сжигающую ревность между теоретическими соперницами. Тем более, представительниц женского пола, прошедших посвящение Пресветлого, не так уж много.

Опытным путем было принято наименее эффективнейшее распределение, которое существовало и по сей день: командир и трое бойцов, одна из которых – женщина.

Во время таинства посвящения огнем Пресветлого «выжигается» излишняя эмоциональность и чувствительность, чтобы одаренный светлым даром, не противясь своей сущности, смог нести защиту, наказание и справедливость своей твердой рукой. Но несмотря на притупленные чувства, почему-то ревность и дух соперничества у женской половины не выжигались с принятием в орден, а еще больше обострялись.

Служанка из номера ушла расстроенной и недовольной. После ее ухода он откинул остервененную золотую полумаску и принялся медленно жевать поданные яства, почти не чувствуя вкуса, и продолжил наблюдать за домом – убежищем, ища малейшее движение, хоть занавески. И дождался.

Ему было видно, как долгожданная темная приоткрыла окно и поставила защиту – заботливая... Губы наблюдателя натянулись в легкой полуулыбке, от которой у свидетелей этого противоестественного действия кровь застыла бы в жилах. Он все еще не веря тому, что улыбался, потрогал свой рот шершавыми пальцами и удостоверился, что все происходило наяву.

«Что же ты со мной делаешь, темная колдунья?» – подумал он и продолжил неторопливо поглощать пищу и наблюдать... наблюдать, оставив короткий отдых на потом...

...Она...

...Я смотрела на спящую дочку и нежно касалась кончиком пальца ее растрепанных темно – русых волос. После того, как я помогла ей вымыться и одеться, уже в комнате, на кровати я рассказала ей о гномах и дала ей напиток из молока. Его принес дедушка в глиняном кув-

пине тогда вместе с кружками. Я спела Сонину любимую колыбельную песню, и дочка сладко уснула еще на первых нотах.

Изергильда была превосходной верховной темной ведьмой, хитроумной преступницей, но матерью – ужасной и отвратительной. От нее я так и не услышала ни песен перед сном, ни чего-либо другого, показывающего материнскую любовь.

Спеть колыбельную я подслушала в деревне, в которой какое-то время Изергильда вместе со мной скрывалась от обоснованного правосудия ковена. Ее пела румяная молочница своему годовалому сыну. В жаркую погоду она укладывала дитя спать в застеленную мягкими и чистыми тканями корзинку в древесной тени, делая из легкой ситцевой пеленки навес, и уютная женщина напевала эту волшебную мелодию. Впрочем, это единственная колыбельная, которую мне удалось услышать в своей жизни, а не придумать самой.

Мне нравилось наблюдать за обычными людьми, не обладающими даром. Их жизнь казалась мне более привлекательной, чем своя собственная. Законопослушные темные вели полный и полезный для общества быт, но Изергильда переступила законы ковена. Мне не было места ни там, ни там. Жизнь после побега в маленькой деревеньке без принуждения к темному искусству и в спокойствии для меня была самой счастливой, пока нас не украли из собственного дома и привычного мира.

А сейчас пора было идти «на поклон» к приютившему беглянок старенькому гному, от которого было больше тепла, чем от той же Изергильды. Я тихонько оторвалась от дочери и тихо вышла из комнаты.

Все светильники были погашены. Мне пришлось осторожно красться по мрачному коридору на свет, исходящий из кухни. Там на столе стояла единственная зажженная свеча. В кухонной комнате царил полумрак, а изнуренный хозяин дома сидел и наблюдал за пляской свечного огонька.

Гном постукивал скрюченными пальцами по подлокотнику старого кресла, он заметил меня сразу, но молчал. Я решила взять инициативу в свои руки. Придвинула к нему слуховую трубу, чтобы он мог слышать каждое мое слово, наверняка. Как только он приложил металлическое устройство к уху, я начала свой рассказ:

– Меня зовут Алика, дочь мою – Соня. Темные пленили нас, но нам удалось сбежать. Поэтому мы здесь, в городе, где раньше не бывали.

И ни слова лжи.

– Алика, – тихо проскрипел гном. – Меня зовут Орлих. Я – мастер гончарных дел.

Это подтверждало многообразие глиняной посуды.

– Я хочу отблагодарить тебя за твою помощь и радушие, Орлих. Дашь ли ты разрешение посидеть в твоём кресле после тебя?

Гном скупно кивнул и встал с кресла, уступая его мне.

– Не засиживайся долго, Алика. Тебе необходимо выспаться.

Больше он не задал ни одного вопроса – удалился. Очень странный старый гном. А ведь понял он гораздо больше, чем я поведала.

После того, как я осталась на маленькой атмосферной кухне одна, я сразу пересела в потертое и памятное для Орлиха кресло, еще хранящее тепло этого душевного гнома. В благодарность я решила создать истинный талисман для мудрого мастера гончарных дел.

Для этого я должна была проникнуться его сутью, его прошлым и его настоящим, а через значимую вещь это сделать легче всего. Подобные талисманы я делала всего два раза в жизни: для отца Сони и для своего собственного родителя. Правда, подарив, я больше не видела ни одного, ни другого. А теперь и не увижу никогда.

В моей жизни, теперь уже прошлой, я мастерила мелкие побрякушки милые женскому сердцу и украшения для дома. На скромные средства от продаж безделиц мы с Соней и жили.

Добавляла всего искорку дара в созданные предметы, чтобы отвести беды, нездоровье или неприятности.

Темный дар не мог принести удачу, любовь или что-то в этом роде, но защитить, отвести или уберечь – это в его власти, как противодействие самому себе, не ломая свое разрушительное естество.

Но сейчас я собиралась сделать нечто совершенно иное, вложив чистую благодарность за участие в наших с Соней судьбах.

Я гладила подлокотники с закрытыми глазами, пытаюсь ощутить каждую неровность, которая несла в себе историю, и погружалась все в глубже в ощущения, была все дальше от реальности. Ткань плотная, шероховатая, надежная, верная, некогда красная. Удобное, мягкое кресло для женщины... для любимой женщины. Но где же она?! – Ах, болезнь забрала все ее силы.

Мои пальцы нащупали торчащую крепкую нитку, которой не было до этого момента. Я ухватилась за нее двумя пальцами, чтобы не упустить предоставленный шанс, и медленно стала вытягивать. Столько, сколько позволит мне осевшие и впитавшиеся чистые чувства и капелька души, которая не могла оставить совсем одного своего родного, еще живого и любимого мужа.

Женская душа была прекрасная, светлая, чистая, добрая. А любовь с Орлихом была теплой, нежная и искренняя. Гея... так ее звали... половинку старого гнома. После себя она оставила дочь, так похожую лицом на нее саму и противоположную ей внутренне. Пропитавшая весь дом теплая грусть, которую я почувствовала еще с улицы, была по ушедшей любимой жене, а мучительная тоска – из-за дочери.

Мои пальцы продолжали вытягивать нить из глубин кресла. Она станет основой талисмана и, судя по всему, не для одного.

Дочь уродилась алчной и ветреной, гончарному делу противилась, мол, это не занятие для уважающего себя гнома. Ей хотелось больше денег, власти и общественного статуса. Связалась Уля тайно узамы брака с нехорошим гномом, по мнению Орлиха, слишком жадным, злым и бесчестным. Как не уговаривал дочь, переубедить отца ее не удалось. Как за него замуж выскочила, так и забыла дорогу в отцовский дом. Тосковало и печалилось сердце Орлиха, чувало, что дело не чистое, а сделать ничего не могло. Теперь уже муж не позволял. И старость еще эта...

Резко открыв глаза, я вынырнула словно из глубинных вод в настоящее, а вокруг меня бушевало черно – золотое крошево. Оно сверкало и переливалось от света маленького пламени. Мои волосы извивались, словно находились под водой, а по комнате плясали причудливые огненные отблески. Ни одному предмету не удалось избежать преломленного светлячка.

А нитка, наконец, остановилась. От прикосновения к моей палочке красная нитка обрвалась. Свободный кончик затянулся обратно в кресло. Я провела пальцем по тому месту, где только что скрылась связующая нить, кожей чувствовалась лишь потертая ткань, без какого-либо изъяна.

Нитку я замотала в два крошечных клубочка: один для дочери Орлиха, а другой для него самого. И начала плести незатейливый браслет. Вместо одной руки я использовала свою палочку, словно спицу для вязания. Через проводник вплетался мой искрометный дар, и браслет становился трехцветным.

Для старика – гнома я старалась вплетать отвод смерти, усталости, неудач, неприятностей, проклятий, отражение злых пожеланий, а самое главное – убрать глухоту к словам дочери. Необходимо, чтобы он смог слушать и слышать ее слова. Получилось довольно грубое плетение браслета: крупные черные узлы с маленькими проблесками красной и золотой нитки, для мужчины в возрасте – подойдет.

А для дочери Орлиха и Геи придется постараться побольше. Ей предстояло прозреть. Открывать глаза на действительность происходящего всегда болезненно – это мне и надлежало

сгладить. Осознание по-настоящему важного происходит через боль. И почему люди понимали и принимали для себя истину только путем страданий?

Эту часть жизненного пути дочери мастера – гнома к настоящему я и пыталась смягчить и обезопасить для нее, но полностью «обезболить» душу не получится. Уже под конец я привязала пару узелков для отвода неприятностей и нездоровья. И так же, как у отца, открыть ей возможность слышать друг друга. На этом все... готово.

Вокруг все еще мерцали искрящиеся песчинки, преломляющие свет. Взмах моей маленькой палочки – и они исчезли. Свой проводник я преобразовала в медальон и оставила висеть на шее.

Что же, второй браслет получился больше красный, и только при желании можно было разглядеть нити «черного золота».

Резко почувствовав чей-то пристальный взгляд, я начала осматриваться по сторонам, но никого и ничего подозрительного не находила. Для того чтобы убедиться, что никто не стал свидетелем одаренности темной направленности, я подошла к окну.

Как показывала практика, в этом мире темный дар так же коверкал, извращал душу и разум обладателей, как и в нашем, когда не находили правильный путь взаимодействия со своей сущностью. Как именно здесь контролировали разрушительную одаренность, я надеялась не узнать вовсе. А если судить по не самой приятной встрече с темными ведьмаками, которые подвергли полному устранению собственной личности и воли, а также абсолютному подчинению, то вряд ли темные этого мира попытаются бороться с искушением всевластия и вседозволенности. Большинство из них пошло по дороге соблазна. Ах, да, еще и неизвестно какие светлые на этих землях.

Я долго вглядывалась сквозь оконную преграду в поисках хозяина пронзительного взгляда, который до сих пор ощущался мною. Даже руку протянула, чтобы коснуться холодного стекла. Но так и никого не смогла разглядеть: только пустая улица, фонари, и дом напротив, где горел свет исключительно на первом этаже. Казалось, что вот-вот у меня получится найти случайного или неслучайного очевидца, но все тщетно.

Зябко... обхватив себя руками, я вышла из комнаты, оставив на столе сплетенные браслеты, и направилась в душ: смыть с себя беспокойство, полет на дружелюбном омо, лесные приключения и ощущения чужеродного присутствия. А уже потом со спокойной совестью устроиться на настоящей мягкой постели.

...Он...

...Не устояв перед искушением, он решил посмотреть, как необыкновенная темная устроилась на ночлег. Если не трогать ее защиту, она и не почувствует его присутствие. Но все-таки ему стоило перестраховаться. Он уверенно глотнул из стеклянного флакона переливающуюся розовую жидкость и невидимым для окружающих, выскочил в окно прочь из своей, снятой на одну ночь, дешевой комнаты.

Даже если в этот темный час и были бы прохожие, то никто не заметил бы небольшое вздыбившееся облачко пыли, вдруг возникшее на ровной протоптанной дороге.

Обойдя нужный дом по кругу, он подсмотрел в каждое окно. В первом он открыл для себя милую картину: спящая на кровати девочка – дочка колдуньи. В следующем окне он увидел сидевшего на застеленной постели седого гнома, в полной темноте. Зрение после посвящения в орден Пресветлого позволяло ему рассмотреть печаль или даже скорбь на лице старика, гном рассеяно рассматривал свои собственные сморщенные руки. На третьем окне ему улыбнулась удача. Он наткнулся на кухню, где одинокий огонек трепыхался на обеденном столе, а благодаря необычной женщине происходило все самое интересное, кто бы мог подумать?

Никогда ему не доводилось узреть живую колдовство такой красоты: сияние золотых и черных искр было завораживающим даже для служителя ордена светлого бога.

Когда колдуны или колдуньи обращались к своему дару, обычно это выглядело, как черное тягучее «нечто». Оно и выполняло волю темного, «пачкая» свою цель. Такое колдовство традиционно сопровождалось телесными пожертвованиями: кровью, частью тела или смертью. А желаемое нередко было подлым, низким, недостойным и злым.

Светлое колдовство же было полной противоположностью. Оно обладало золотым цветом, будто чистый свет изливался из светлого одаренного. И нес он в себе добро, чистоту и саму жизнь.

Встали светлые против темных колдунов, обратились в орден служителей Пресветлого, чтобы не позволить темным вредить и использовать пустых людей в своих черных замыслах. И завязалась война между противоположностями, которая длилась до сих пор.

За это время бесконечной борьбы между темными колдунами и светлыми служителями ордена ни одного простого светлого одаренного не осталось. Все без исключения светлые прошли посвящение и использовали свой дар только против темных. Когда-то славились они добрыми деяниями: целительством, выращиванием дивных садов, выхаживанием животных, заботой и помощью страждущим и подобными умениями.

Он сам уже и не мог вспомнить, когда просто так обращался к огню Пресветлого для чего-то приятного. В его памяти остались только нескончаемые сражения и безоглядное противостояние.

Ему выпал случай видеть в эту минуту нечто совершенно иное, необычное и капельку чудесное. И вновь происходящее откликалось непривычным теплом в его заледеневшей душе. Ему по-настоящему нравилось наблюдать за плавными движениями мерцающих крупинок, зависших прямо в воздухе, и за завораживающим танцем бликов, отражающихся на стенах.

Но больше его привлекало смотреть на саму колдунью. Ему нравилось ее бескровное уставшее и отрешенное лицо, ее закрытые глаза, слегка нахмуренные темные брови, безупречный нос, сжатые от усердия губы, тонкие пальцы, тихонько поглаживающие подлокотники старого кресла. Он долго рассматривал ее руки, которые плели браслеты: один черный, другой красный, однако, талисманы?! Он любовался, как она ловко использовала палочку, которую в конце видоизменила, а затем спрятала у себя на груди. Он уже знал, как будет убеждать своего командира в том, что эта темная была не такой, как все. Мысль, что этой странной, красивой и притягательной колдуньи вдруг не останется в живых, пугала его с неистовой силой. От этого он снова упадет в пучину безразличия и равнодушия. Ему совсем не этого хотелось.

Он так сильно хотел коснуться ее, особенно после того, как закончилось колдовство... прямо сейчас дотронуться хотя бы кончиком пальца до ее бледной щеки.

Она была прекрасна. Ее черные волосы спутаны, а губы пересохли, и сама она держалась на последних крохах сил. Желание дотронуться было столь велико, что он неосознанно поднял и протянул руку к окну, встретив стеклянную преграду под ладонью. В тот же миг она его почувствовала, но увидеть никак не могла, хоть и очень старалась. Металась, смотрела по сторонам в поисках беспокоящего ее взгляда, пока не подошла к единственному окну, за которым был он.

Обнаружить источник беспокойства у нее так и не вышло. Еще бы... слезы василиска способны на многое, все зависело от того, как их приготовить. Он останется для нее невидим.

Неожиданно для него она повторила его жест своей изящной кистью. И если бы не оконная преграда, он смог бы почувствовать тепло ее кожи. Сердце его дрогнуло, аритмично трепыхнулось. Ее серые глаза, такие колдовские, утомленные и испуганные, затаивали на самое дно. Так и не найдя того, что искала, она ушла, оставив его одного.

Он еще долго не мог опустить руку, оставляя отпечаток горячей ладони на стекле. Все прожигал опустевшую комнату своими желтыми, почти звериными глазами. Его терзали неоднозначные ответы на вопросы: что же с ним происходило? Получится ли ее уберечь для себя?

После того, как он убедился, что темная заснула, он позволил себе вернуться обратно в свой гостиничный номер. Ему тоже надо немного поспать...

...Где-то среди дорог...

...Трое всадников на своих ездовых животных мчались с небывалой скоростью. Они пронесли мимо указателя, подсвеченный в темноте маленьким магическим фонарем, который гласил: «Уважаемый Путник, до ближайшего города – Вуно осталось всего десять километров». На лицах всех троих служителей ордена появилась злорадная предвкушающая улыбка, которую у двоих скрывала золотая полумаска...

...Она...

...Пробуждение вышло резким и нерадостным. Орлих жестко трепал меня по плечу, а я испуганно на него уставилась с вопросом в глазах: «Что случилось?»

– Вставайте, быстрее собирайтесь и бегите из города. – тараторил старик – гном. – С утра слышал, что в город прибыл служитель. Они не ходят по одному и не появляются просто так. У тебя дар, да? – Я хотела возразить, но он мне не позволил. – Нет, не отвечай. Буди дочь и убегайте. Я соберу провизию в дорогу.

– Спасибо, – ошарашено проговорила я.

Но Орлих меня уже не слышал. Его слуховая труба уже была в руке.

Он скрылся в дверном проеме, а я осторожно, но настойчиво разбудила Соню. Как только она открыла глаза, я сразу сообщила, что нам пора бежать. Моя дочь – сообразительная девочка, она тут же вскочила и принялась переодеваться с молниеносной скоростью, то же самое сделала и я. Я с помощью темного дара уместила все наши вещи в рюкзак. Полностью одетые в позаимствованную чистую одежду, с рюкзаком за моей спиной, мы прошли на кухню.

Пожилой гном протянул мне собранный узелок, а в его блеклых глазах стояли непролитые слезы. Не знаю, что могло его так сильно растрогать, но на руке я заметила черный браслет. Я забрала протянутый узелок с едой, сама крепко обняла приотившего нас старичка по имени Орлих – мастера гончарного дела и просто хорошего гнома, и прямо в ухо быстро заговорила:

– Спасибо тебе, Орлих, за все! Носи браслет, не снимай – все беды отведет. Дочери в почтовый ящик подкинь, она сама к нему притянется и носить будет. Глядишь, все на лад пойдет. По Гее не сучай, не надо. Сам живи, а не существуешь. Даст судьба свидимся еще раз, – я поцеловала его морщинистую щеку, на прощанье.

Держась за руки, мы покинули дом, в котором нам оказали теплый прием и предоставили неожиданную помощь. Дом, в котором все еще чувствовались тоска и грусть, но я была уверена, что на смену им придет радость и любовь, иначе я не Алика – темная ведьма...

Глава 3.

По утренним пустым улицам стелился туман. Мы изо всех сил спешили покинуть приятный гномий городок. По пути нам встретилось всего пара спешащих рудокопов – бородатых крепких гномов, явно запозднившиеся на утреннюю смену.

Успели... за спиной остался указатель с названием города. А нам стоило позвать нашего розового гиганта Омо и быстрее умчаться как можно дальше. По словам Орлиха, обладателей дара с принадлежностью к неизвестному ордену, необходимо опасаться, а лучше и вовсе с ними не встречаться.

Удача была на нашей стороне, и нам удалось избежать знакомства со служителем или служителями. Это не могло не радовать. И, окрыленные, мы обнаружили скатообразное крылатое животное, мирно пасущимся совсем недалеко. Не замечая ничего вокруг, мы рванули прямо к нему.

Резкое ощущение смертельной опасности обрушилось на меня, волосы вздыбились, отражая резкое внутреннее напряжение. Темный дар заворочался внутри, будоража не самые приятные ощущения глубоко в груди. Я задвинула Соню себе за спину, хотя еще не видела противника. Секунда – и мой проводник в твердой руке. Еще одна секунда – и благодаря единственному взмаху палочкой вокруг нас переливается подпитываемая защита, а я готова на все лишь бы выбраться отсюда живой и спасти дочь.

Единожды моргнув, а нас уже окружили трое наездников в золотистых литых доспехах. У двоих из них нижняя половина лица была скрыта золотой полумаской. Видимым оставались лишь одинаковые, желтые, яркие глаза, в которых плескался океан из ненависти и желание убивать.

У самого крупного мужчины голова была защищена еще и шлемом. Под седлом у него было такое же мощное животное, как и он сам, похожее на носорога. Ноги зверя были окружены металлическими спицами и золотой защитой.

Второй наездник, скрывающий свое лицо, оказалась беловолосой девушкой. Даже под маской по ее лицу читалось – ноль снисхождения, только разрушительная ярость и злость. За ее плечами – лук со снежной, толстой косой, а между ног – белая кобыла.

И самый пугающий среди окружившей нас тройки – седоволосый наездник без маски. Его хищная, серая, в темное пятнышко кошка с зубами размером с мою руку важно и порывисто вышагивала около защиты, порывая, лишняя раз демонстрируя свою убийственную пасть. Но не из-за этого он вселял такой дикий ужас: его улыбка, не скрытая ничем, – она была, поистине страшна.

Нечеловеческие, горящие, ярко – желтые глаза и сероватая, словно пепел кожа – эти нелюди и есть служители ордена. Легко я не сдамся, мне есть ради чего биться.

Ближе прижимая к себе Соню, я во все глаза следила за наездниками, от них веяло жадной о моей скорой смерти. Наконец самый главный, беловолосый с адской улыбкой, крикнул: – Что же ты не нападаешь, темное отродье?

Всадники обходили нас по кругу, не давая мне сосредоточиться взглядом хотя бы на одном из них. Страшно было, как никогда. Я молчала.

– Я чувю в тебе темный дар. – продолжал разговор белый предводитель, – За темное колдовство, командиром боевой четверки служителей ордена Пресветлого – Лиаром, ты – убийца, переступившая законы самой природы, приговариваешься к смерти.

Он на несколько томительных секунд замолчал, а затем добавил:

– К мучительной смерти.

Раздался зловещий хохот всех троих служителей, от которого пробежала волна кошмарных мурашек страха, а палочка в сведенной от напряжения руке дрогнула. Соня в испуге при-

жалась ко мне так сильно, что я пошатнулась, по ее щекам текли слезы и слышалось слабое постукивание.

У девушки с белой косой из рук потекла тягучая, солнечная, светлая сила, такая красивая и, оказалось, такой жестокой. И это светлые? Те, кому самим даром не допустимо причинять боль, что уж говорить о насильственной смерти. Кто еще из нас переступал законы природы...

...Город Вуно. Он...

...Он проснулся внезапно от ощущения неминуемой беды. Ложился спать по привычке полностью экипированным к дальнейшим действиям, поэтому в ту же секунду он выскочил из незакрытого с ночи окна, не заботясь о маскировке. Первым делом он устремился к дому напротив, а на ходу соткал призыв своего наибоыстрейшего ездового животного. Золотистая сила окутала его левую руку, вспорхнула сияющим пучком света и умчалась прочь на поиски питомца.

На ступеньках ветхого дома его встретил сам хозяин – тот старый, седой гном, за которым он подглядывал через окно. Старичок перебирал в руках красный браслет, а похожий, черный, красовался на его руке – это был подарок колдуньи. Он сам видел, как она вчера плела их при свете маленького свечного огонька в искрах своего необычного дара.

Когда служитель ордена приблизился к гному, тот вскинул на него пронзительный взгляд старческих глаз и произнес:

– Не преследуй ее, она не делала зла.

В желтых глазах мужчины в золотых доспехах и маске промелькнула растерянность, а потом испуг:

– Ушла? – коротко спросил служитель ордена. Но старик не отвечал, а злобно сверкал мутноватыми глазами, а затем нарочито медленно, нехотя, указал одним пальцем на свое ухо и скупое ответил:

– Слуховую трубу потерял с утречка! Не слышно, стало быть, ничего.

Он хотел сплюнуть от досады, ведь сейчас дед – гном делал только хуже, умалчивая о темной. Но времени не было, он ринулся со всех ног к выходу из подгорного города Вуно.

В глубине души он понимал и даже испытывал гордость за старика, который нашел в себе смелость перечесть служителю ордена. За сокрытие темной одаренной вместе с дочерью ему светило много чего не самого приятного. Любое содействие темным – противозаконно и априори делало из тебя преступника. Гном не мог знать, что их желание уберечь было схоже.

Уносясь прочь из города, желтоглазый мужчина думал лишь об одном: «Только бы успеть... только бы успеть...» ...

...Она...

...К девушке на белой кобыле присоединились и остальные члены отряда, и все, окружившие нас, начали крутить в руках золотистые плети дара. Солнечная, светлая магия скользила по их наручникам, то скручивалась, то плавно извивалась. Удивительно, но никаких проводников в их руках не было.

В нашем мире любое обращение к дару, неважно, темному или светлому, происходило с помощью проводников, таких как палочка. Возможно, поэтому они поглядывали на мой проводник с изумлением.

Единственная женщина из тройки светлых не отличалась терпением, и первая швырнула золотистый шар размером с яблоко в мою защиту. Щит смог замедлить снаряд, но для полной дезактивации его сил недостаточно. Я выпустила свой черно – золотистый дар в виде кнута и рассекла шар пополам. Уже два шара поменьше, изменив свою траекторию, рухнули на землю, оставив два обугленных следа.

– Вы что творите, светлые? Со мной рядом ребенок без капли дара! – крикнула я с отчаянием.

– Мы позаботимся о ней. – злорадно ответила беловолосая служительница.

– Чудовища! – разъярилась я. Хлестнув кнутом, приготовилась отбивать дальнейшее нападение.

– Темные колдуны, вот кто чудовища! – крикнул и сплюнул «глыба» на носороге.

Мои волосы вторили выпущенному дару. Они и сами являлись сносным оружием. Пряди змеились, яростно изгибались. Темный дар приготовился защищать свою родную плоть и кровь, собственно, и себя – своего носителя.

– Я – Алика! И я – темная ведьма! – заорала я, после чего с рук всех троих наездников сорвались вращающиеся сферы, сотканые словно из солнечного света и несущие обжигающую смерть.

Снаряды не успели и коснуться моего щита, как поверх него из ниоткуда выросла стена из такой же светлой силы, которая ослепила и заставила меня закрыть слезящиеся глаза. А когда я смогла их открыть, на поле боя появился новый персонаж. Только не ясно, почему один из служителей ордена встал на нашу защиту?

Возникший защитник был в таких же золотых доспехах и полумаске, серокожий, с желтыми, звериными глазами, с короткими темными кудрявыми волосами, которые лезли ему в глаза.

– Лияр! Остановись! – крикнул защитивший нас мужчина из ордена.

Беловолосый предводитель на ездовой кошке нахмурился, но руки опустил. Он замер, в ожидании объяснений от новоприбывшего.

– Эта женщина не виновна, несмотря на темный дар. – продолжил он.

Его заявление вызвало ошеломление у всех всадников. Лияр выполнил жест пальцами, и беловолосая, как и их главный, женщина и «глыба» на носороге вынужденно и явно недовольно опустили свои руки, не смея ослушаться своего командира.

– А такое бывает? – шутливо заявила женщина, но ее проигнорировали.

– Предлагаю объединение воспоминаний. – сказал новоявленный служитель.

Лияр еще больше удивился, от чего его белые брови поднялись, и ответил:

– Харн, ты уверен? Это будет... несколько болезненно для тебя, а не для меня.

Я была настолько ошарашена происходящим, что никак не могла понять: почему же служитель по имени Харн защищал нас в ущерб себе.

Но тут, я обратила внимание, как розовый гигант Омо медленно и плавно летел в нашу сторону, аккуратно и осторожно, а главное, очень тихо. Если повезет, будет еще шанс улизнуть от необычайно жестоких светлых – служителей ордена.

Продолжая одной рукой прижимать к себе замершую дочь, а другой рукой удерживать кнут, сплетенный из темного дара, я наблюдала за развернувшимися и пугающими до дрожи событиями.

...Он...

... «Успел.» – подумалось ему.

Когда он увидел концентрированные шары огня Пресветлого, сжигающие все на своем пути, летящие в женщину, пускай она и оказалась темная одаренная, его сердце на короткий миг остановилось. Она стояла против всех и защищала своего ребенка. Смелая. Отчаянная. Невероятная.

На бегу он сформировал щит наивысшей степени стойкости... и успел в самый последний момент выставить его перед слабенькой защитой самой темной. Испепелив даром атакующие сферы служителей, он сразу обратился к Лияру – к командиру боевой четверки, частью которой Харн и являлся.

Несмотря на жестокость, представшую перед его собственными глазами, он был уверен, что сможет достучаться до своего командира и решить наилучшим образом, как быть дальше с действительно невиновной колдуньей. Она не заслуживала ни смертного приговора за то, чего

не совершала, а случайно попала в круговорот событий; ни тюремного заключения с последующим изъятием дара.

Он сразу предложил Лияру показать все, как было с самого начала и все, что он узнал с того момента, как начал следить за темной и ее дочерью. Какая разница, что несколько минут будет больно? – пусть. В его длинной жизни и не такое бывало. Зато женщина, которая сумела пробудить в нем яркие чувства, останется жива, а дальше он разберется.

Он подошел ближе к степному барсу, к самцу редкой хищной кошки, на котором восседал беловолосый командир. Только высшим по званию было разрешено не скрывать своих лиц доспехом служителя. Стукнув себя в левое плечо в знак приветствия и коротко поклонившись Лияру, он остался стоять подле ездового животного, пока командир опустится на землю...

Мужчины встали лицом к лицу. Тот, чье лицо скрывала золотая полумаска протянул руку, не мешкая, белый, с рассыпанными по плечам длинными волосами, командир схватил того за предплечье.

Двое служителей пристально смотрели друг другу в одинаковые желтые глаза. Их сцепленные руки стал медленно окутывать солнечный льющийся дар. Он переливался и причудливо извивался, словно лава. Глаза двоих светлых засияли ярче.

...Лияр...

...В это время командир боевой четверки просматривал воспоминания одного из своих бойцов – Харна, самого быстрого в ордене Пресветлого. На просторах чужой памяти Лияр увидел, как смелая темная заботилась о своей крови и плоти, пыталась спастись любыми доступными способами, приручила равнинного омо и, самое главное, не навредила ни единой живой душе.

Из рассказов ее дочери, подслушанных Харном, стало очевидно, что их похитили из другого мира с помощью запрещенного черного ритуала, а дальше абсолютно подчинили колдунью. За такое и карали служители ордена одаренных темной стороны.

Но эта женщина действительно была не виновна. Попытка выжить, способность договориться, благодарность за помощь – за такое орден Пресветлого не казнил, хоть Лияр и был удивлен, что такое поведение темной вообще возможно. Играла ли роль ее иномирность? – ему предстояло это узнать. На его памяти колдуны никогда не вели себя так, как добропорядочные светлые.

Ему стоило признать, что перед ним невинная темная одаренная. Но что теперь с этим делать? – он не имел ни малейшего представления. До этого момента было все просто и понятно, и никаких отклонений от привычных действий.

Темный дар всегда требовал использовать плоть, боль или мучения жертвы в колдовстве, а орден боролся с бесчеловечностью и наказывал за жестокое отношение к людям и нелюдям. Все действия служителей направлены на защиту, восстановление справедливости и сохранность мира.

Произошедшее открытие требовало раздумий и срочного донесения. Помимо такой небывалой редкости, как непричастная носительница темного дара, дополнительно обнажилось существование целой башни подконтрольной темной стороне. И он мог поклясться служителю самому Пресветлому, что в ордене о ней и знать не знали. И это беспокоило Лияра больше, чем учесть неповинной женщины и ее дитя.

...Харн...

...В то время пока его сознание было открыто для просмотра недавних событий чужеродным разумом, он испытывал жуткую боль в глазах и в затылке, словно разогретые до красна металлические прутья проникали в эти места.

Харн старался не задерживать внимание командира на событиях, связанные с личным и даже интимным поведением темной. Он пытался пропустить дивное воспоминание, когда она нагая нежилась в водах маленькой речушки. Но от данных попыток боль лишь усиливалась.

Еще хуже становилось от того, что сам Лияр не позволял опустить и малейшую деталь. Командир с особым удовольствием любовался манящим телом дивной колдуньи, которая именovala себя Аликой – темной ведьмой...

...Алика...

...Когда между двумя служителями ордена контакт прекратился, спасший нас мужчина, которого белый длинноволосый командир назвал Харном, со стоном боли потер свои глаза. На миг мне даже стало его жаль, но вспомнив, что обстановка не способствовала лишним эмоциям, а на кону были наши жизни, сопереживать себе не позволила.

Я ощущала благодарность за своевременную помощь, но проводник я так и не опустила, была готова ко всему. Кто этих сумасшедших светлых знал? Судя по их поведению, в корне не соответствующему носителям светлого дара, от них не стоило ждать чего-то хорошего. А тем временем наш друг оо тихонько приближался, что вселяло надежду на скорый побег.

В напряженной тишине на ладони у белого Лияра – командира боевой четверки служителей ордена – проявился крошечный золотистый шарик. Когда он накрыл его второй рукой, шар стал разрастаться и приобретать форму хищной птицы – коршуна, сотканного из светлой силы. Как только трансформация вестника была окончена, уже настоящая птица вспорхнула и исчезла, будто и не создал ее светлый ведьмак секунду назад.

Лияр обернулся ко мне так резко, что длинные волосы всколыхнулись снежной волной. А его лицо застыло, словно на нем была настоящая маска. Ушли злорадство и радость от скорой расправы, оставив каменное выражение безучастия.

Вся компания свихнувшихся светлых, выступивших против своей миролюбивой природы, меня пугала, но их командир вселял настоящий ужас. Серое лицо, сияющие как магические фонари желтые глаза, тонкие губы и острый длинный нос, белые волосы по пояс и застывшее выражение мертвеца – точно ужас во плоти.

Он рассматривал меня немигающим взглядом горящих глаз, исследовал каждую черточку моего лица, каждый волосок, каждый сантиметр ткани моей одежды, украденной у темных. Такому же пристальному осмотру подверглась и моя дочь, которая от страха цеплялась за меня двумя руками, но взгляд перед ним упрямо не опускала.

Неправильным и удивительным было поведение и Харна: он встал так, что мы оказались за его спиной. За что нам такая честь от светлого служителя? – не ясно. «Глыба» на носороге наблюдал за представлением с холодным равнодушием, а в желтых глазах девушки с белой косой ненависти к нам явно прибавилось.

Я застыла в ожидании вердикта этого Лияра, рано или поздно он должен озвучить свое решение или уже начать убивать «темное отродье». Мои волосы продолжали змеиться от переполнявшего меня напряжения, а руку, удерживающую палочку, уже давно свело. И, наконец, испытывающее ожидание в тягостном молчании закончилось и Лияр произнес:

– Значит, ты – Алика... Не колдунья, а ведьма. Так?

Я согласно кивнула. В нашем мире одаренных называли ведьмами или ведьмаками, светлых или темных.

Темный не равно плохой или злой, но природа дала нам разрушительное начало, в отличие от созидательного светлого. Бороться с давлением дара сложно, и не каждый справлялся. Власть развращала. Один раз стоило начать, и ты уже под влиянием дара совершаешь ужасные деяния.

Моя мать – Изергильда тому очень емкий пример. Но не все же одинаковые? Даже у нас встречались «светлые убийцы», «темные в монашеской рясе» и обычные одаренные светлые или темные.

Здесь же я на собственном опыте убедилась в схожести даров в нашем мире и в этом: они несли в себе общее начало. За исключением использования палочек или нечто подобного, ни у кого из встреченных мною одаренных не было проводников.

– Для чего ты создавала кулоны, и что происходит в башне, ты не в курсе, так? – продолжал наседать на меня командир служителей.

Теперь я отрицательно покачала головой, а Лияр шумно выдохнул. Все-таки светлые одаренные больше походили на маньяков с темным даром, а не на миротворцев. Харн же сделал шаг назад, становясь еще ближе к нам, он почти касался моего щита.

– Итак, ты вместе со своей дочерью отправишься с нами в орден Пресветлого. Пока я жду ответного вестника. Затем и решим, что с тобой делать, Алика – темная ведьма, – подвел итог Лияр.

Однако блондинка осталась недовольна решением главнокомандующего и громко возмутилась:

– Да ты должно быть шутишь! Она же темная! Какая разница, когда она переступит грань?!

На ее заявление я лишь покачала головой, поражаясь категоричным суждениям ордена...

...Харн...

...Он смотрел на Мелину – девушку с роскошной белой косой и гибким телом, с которым каждый из боевой четверки был близко знаком. Правда, со временем командир Лияр стал исключением, он давно отказался от «подобного счастья».

Харн был весьма неприятно удивлен ее поведением и задавался вопросом: как же так получилось, что такое светлое дело, как борьба за справедливость, оказание помощи и защиты более слабых, превратилось в такое абсолютное и без разборное, даже бездумное уничтожение?

В гневном возмущении Мелины отражалась совсем иная сторона противостояния ордена против колдунов и все последствия этой кровопролитной затяжной войны. Неожиданное откровение вызывало зудящую боль где-то глубоко в его груди.

– Мелина, – строго одернул ее Лияр, который если и был изумлен, то виду не подавал. – Насколько мне известно, приказы отдаю здесь я.

...Алика...

...Блондинка на тонконогой лошади прожгла меня взглядом, обещающим мне жуткую мучительную месть, и показательно отвернулась.

От ее выпада отвлек шум приближающегося топота, что снова заставило меня дернуться в сторону, откуда доносился звук.

Но Харн по неизвестным мне причинам продолжал нам помогать. Снизойдя до «темного отродья», он решил меня успокоить. Мужчина повернулся ко мне и, глядя в глаза, произнес:

– Не стоит бояться, это мой крылатый бизон.

Легко сказать, да сложно сделать. Эти светлые, даже Харн, не вызывали доверия, а лишь желание сбежать куда подальше. Их светящиеся глаза, в которых плескалась до не давнего времени жажда нашей смерти, не забудешь за несколько минут.

Оттого-то и было поведение Харна таким подозрительным и даже несуразным. Но служитель ордена говорил правду. Вскоре с запредельной скоростью появился большой коричневый бизон. На каждой ноге у него было по три пары маленьких, пернатых, белых крылышка.

Животное приблизилось к своему хозяину, и тот похлопал его по лобастой голове.

– Что будем делать с омом? – неожиданно пробасил «глыба» на носороге.

Полностью разрушив мою надежду на то, что розовый скат немислимым образом смог бы остаться незамеченным четверкой из ордена.

Лияр рассеяно пожал плечами и ответил:

– Отправиться домой. Это не его ареал обитания.

На вытянутой командирской ладони появилась искра светлого дара, которая с невероятной скоростью направилась к нашему крылатому спасителю. Искорка врезалась в его приплюснутую морду, прямо между его таких неестественно голубых и почти человеческих глаз.

– Не-е-е-т! – закричала я одновременно с Соней.

Голубые глаза оомедленно закрылись, а когда открылись, там не было ни капли воспоминаний о нас. Летящий зверь неловко оборачивался, не понимая, как оказался так далеко от своего родного края. Он крутился на месте, неловко хлопал скатоподобными крыльями, полностью дезориентированный.

По моим щекам потекли слезы отчаяния и невыносимой боли от потери животного, которое стало таким близким. Соня, не скрываясь, заревела. А милосердный оом выбрал обратное направление и тихонько устремился к каменному утесу. Он полетел туда, где было его гнездо и стая, напрочь забыв о недавнем зове, о нашем спасении и о своей грандиозной помощи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.